

Когда выступление закончилось, было уже почти одиннадцать.

Кролла укладывала бас-гитару в чехол, а её кончики пальцев всё ещё слегка покалывало от щипков — это покалывание пробиралось от подушечек в запястье, словно какая-то мягкая, запоздалая магия.

В гримёрке стоял кавардак: вокалистка Сяо Ся подкрашивала губы, барабанщик запихивал в чехол палочки, а в воздухе висел запах газировки, смешанный с канифолью.

Кто-то кричал: «Кто взял мой медиатор?», кто-то отвечал: «Ты в прошлый раз мой не вернул». Было шумно и суетливо, точно в коробчонке, на которую наложили заклятие незримого расширения и до отказа набили музыкальными инструментами, проводами и полупустыми пластиковыми стаканчиками.

— Кролла, идём вместе? — спросила Сяо Ся, подхватывая сумочку.

— Нет, я хочу проветриться.

— Тогда возвращайся пораньше. — Сяо Ся глянула на неё в зеркало, внезапно что-то вспомнила и улыбнулась. — Кстати, в прошлый раз после выступления, уходя, я заметила у входа какого-то парня. Он прислонился к стене, был в чёрном, а лицом — вылитый обложка журнала. Я даже подумала, что не туда попала, и чуть было не вернулась проверить, чьё лицо напечатали на афише.

Движения Кроллы на секунду замерли.

— ...Правда? — голос прозвучал ровно, так, будто она говорила о хорошей погоде.

Но когда она наклонилась, чтобы застегнуть чехол, её рука двигалась быстрее обычного: протянула собачку слишком далеко, а потом пришлось сдёргивать её на полдюйма назад.

Обычно она таких ошибок не совершала — застегнула бы чехол с закрытыми глазами, да ещё со второго курса.

Сяо Ся моргнула:

— Уж не кавалеры ли нашей Кроллы выстроились в очередь от Франции до Лондона?

— Не болтай ерунды! Всё, я побежала. — Кролла перекинула ремень чехла через плечо и улыбнулась подруге.

— Возвращайся пораньше!

— Знаю!

Дверь запасного выхода распахнулась, впуская внутрь прохладный ночной ветерок.

Она подняла голову — и замерла.

У стены кто-то стоял.

Лёгкая чёрная куртка, поднятый воротник, чуть взъерошенные от ветра тёмные волосы.

Сириус.

В голове Кроллы пронеслись две мысли.

Первая: «тот самый парень», о котором говорила Сяо Ся, — это он.

Вторая: сегодня вовсе не среда.

Среда.

Каждую среду она ходила в тот магазин пластинок.

Она никогда ему об этом не говорила — по крайней мере, вслух. Но некоторым людям, очевидно, слова были ни к чему.

Она подошла и остановилась прямо перед ним.

Только тогда Сириус повернул к ней голову.

Его туманно-голубые глаза казались при свете уличного фонаря совсем светлыми; его взгляд скользнул по её лицу и задержался на секунду.

— ...Ты чего здесь? — спросила Кролла.

— Джеймс говорил, этот клуб неплох, — его тон был непринуждённым, но говорил он чуть быстрее, чем обычно.

Кролла бросила взгляд за его спину. Переулок был пуст.

— А Джеймс где?

— У него были дела, он ушёл раньше.

— Твой друг, — Кролла склонила голову, разглядывая его с полуулыбкой на губах, — вечно занят. В прошлый раз он тоже ушёл первым.

Сириус споткнулся на полуслове.

Он отвёл взгляд, и кончики его ушей постепенно покраснели.

— ...У него много дел, — пробормотал он тише, словно говоря сам с собой.

— Угу, — кивнула Кролла с таким серьёзным видом, будто они обсуждали какую-то важную научную проблему. — Дел полно, и каждый раз он почему-то оказывается именно там, где тебе нужно дать свою рецензию: неплохо, мол.

Сириус посмотрел на неё, губы его шевельнулись, словно он хотел что-то сказать, но так и не произнёс.

Его рука вынырнула из кармана и тут же нырнула обратно.

Вынырнула, нырнула обратно.

Чёрт возьми, это не имело никакого смысла — просто руки совершенно не знали, куда их деть.

Кролла заметила это и не стала больше над ним подшучивать.

— Ладно, — она чуть подтянула ремень чехла на плече. — Я пошла.

Она шагнула мимо него, сделала пару шагов — и позади раздались шаги.

Она не обернулась.

Но уголки её губ изогнулись.

— Ты послушала ту пластинку? — донёсся до неё из-за спины его голос, в котором звучали

нотки из серии «я так, просто спрашиваю».

— Послушала.

— И как вторая песня?

— А что не так со второй песней?

— Бас-гитара записана паршиво.

Кролла наконец повернулась и посмотрела на него.

Он шёл по левую руку от неё, засунув руки в карманы, глядя прямо перед собой и сохраняя на редкость серьёзное выражение лица — так, будто они обсуждали качество звука самым что ни на есть академическим образом.

Но кончики его ушей всё ещё пылали. К тому же он шёл как-то странно — немного скованно, словно нарочно контролировал длину шага, чтобы не отставать от неё и не обгонять.

— Это проблемы самой пластинки, а не баса, — произнесла она.

— По-моему, дело в том, как на нём играли.

— Ты же даже играть на басу не умеешь.

— Зато я умею слушать.

— Слушать и играть — это две большие разницы.

Сириус ничего не ответил.

Кролла решила, что загнала его в турецкий угол, и в душе даже слегка возгордилась.

Пройдя ещё пару шагов, она вдруг услышала его голос — тихий, полный какого-то неловкого напряжения:

— ...В следующий раз, когда будешь играть, позови меня.

Шаги Кроллы споткнулись.

Она не обернулась.

— Зачем звать?

— Слушать.

Дойдя до перекрёстка, Кролла остановилась.

— Дальше я сама.

Сириус огляделся. Улица была тихой, по обеим её сторонам высились могучие платаны, в глубине теней угадывались очертания кованой ограды.

— Угу, — отозвался он.

Кролла стояла на месте, не двигаясь сдвинуться с точки.

Сириус тоже застыл.

Они стояли на перекрёстке, и уличный фонарь вытягивал их тени в длинные силуэты, сливающиеся воедино, словно это была тень одного-единственного человека.

— Ты чего не идёшь? — тихо спросила Кролла.

Сириус посмотрел на неё, губы его чуть дрогнули.

— ...Жду кое-кого, — ответил он.

Кролла бросила взгляд на пустую улицу. Одиннадцать часов ночи. Ни единой кошки.

Её глаза сощурились, а на губах заиграла улыбка, в которой читалось: «Сочиняй, давай, сочиняй дальше».

— Ладно, — сказала она. — Жди тогда.

От такой её улыбки Сириусу стало не по себе.

Его рука выскользнула из кармана, нащупала затылок — и снова опустилась, а опустившись, опять не нашла себе места.

Наконец он ухватился за бегунок куртки, теребя крошечный металленный язычок туда-сюда.

Серебряный бегунок вертелся между его пальцев, точно галлеон, который бесконечно подбрасывают вверх: орёл, решка, орёл, решка — и никак не упадёт на землю.

Кролла видела это.

Больше она ничего не сказала.

Она повернулась и шагнула вглубь платановых теней.

В тени кованой ограды скрывалась боковая дверь, в которую она ходила с самого детства. Толкнув её, Кролла вошла внутрь, не оглядываясь.

Но по ту сторону двери она задержалась на пару мгновений.

Коридор был длинным, хрустальные светильники под потолком излучали ровное, тёпло-жёлтое свечение.

На стенах висели выцветшие портреты предков; все они спали, и лишь один пра-пра-пра-прадед приоткрыл один глаз, искоса глянул на внучку и тут же снова зажмурился.

Где-то вдалеке едва слышно доносился голос из радиоприёмника бабушки — четвёртая программа Би-би-си, передача о текущем положении популяции румынских драконов.

Прислонившись спиной к тяжелой створке, она сняла чехол с плеча и поставила его у ног.

А потом тихонько рассмеялась.

Ну до чего же ты глупый, Сириус.

Она смеялась ещё какое-то время.

Потом присела на корточки, уткнулась лицом в колени и глухо пробормотала:

— ...Сириус, ну до чего же ты бездарен в сочинении отговорок.

Когда она проходила мимо гостиной, там всё ещё горел свет. Бабушка не спала — сидела на бархатном диване и листала альбом.

Альбом прислали из Франции, обложка пестрела тисненым золотом, а внутри красовались образцы новейших волшебных тканей от кутюр.

— Каллори.

Она замерла на полушаге.

— ...Бабушка.

Кролла повернулась, подошла и присела на подлокотник дивана. Бабушка протянула руку и мягко похлопала её по колену.

— Ну как прошло выступление?

— Нормально.

— Нормально? — в голосе бабушки послышался лёгкий смешок. — По твоему лицу совсем не скажешь, что «нормально».

Кролла замерла и машинально коснулась щеки.

Какое ещё лицо?

Она и не подозревала, что её эмоции так написаны на лбу.

Бабушка не стала допытываться, перевернула страницу альбома и протянула его внучке:

— Погляди-ка, Каллори, как тебе вот эта ткань из драконьей шкуры для вечернего платья?

Кролла опустила взгляд. Серебристо-зелёная материя с мелким, плотным узором и мягким матовым блеском...

Кролла снова глянула вниз. Серебристо-зелёная материя, плотный узор, нежный блеск — да это же чешуя румынского длиннорогого дракона перед линькой, днём с огнём не сыщешь на рынке, каждый отрез нужно заказывать за два года вперед.

В другое время она бы разложила всё по полочкам: от техники плетения, драпировки и подходящего кроя до сочетаемости с украшениями, от плотности швов до коэффициента сохранения тепла — так, что бабушка кивала бы с одобрения, а потом сказала бы: «Всё, всё, я поняла, хватит».

Но сегодня её взгляд скользил по страницам альбома, а в голове стоял совсем другой человек, прислонившийся к фонарному столбу.

— А, — она опомнилась. — ...Очень красиво.

Бабушка взглянула на неё.

Взгляд был мимолётным, но в нём читалось абсолютное понимание.

Пожилая женщина не стала расспрашивать дальше, закрыла альбом, отложила его в сторону и протянула руку, чтобы поправить прядь рыжих волос, упавших на плечо Кроллы.

— Ступай спать, — мягко произнесла она.

Кролла кивнула, встала, сделала пару шагов —

— Каллори.

Она обернулась.

Бабушка сидела под лампой, её серебристые волосы были аккуратно уложены, а на воротнике тёмно-фиолетового пеньюара красовалась брошь в виде змеи.

Остатки жара в камине бросали на её лицо слабые отсветы, а во взгляде читалась такая нежность, будто растопленное сливочное масло:

— В следующий раз приведи его выпить чашку чаю.

Уши Кроллы мгновенно вспыхнули.

Этот румянец не расплывался постепенно, а накатил в один миг, будто кто-то опрокинул баночку с розовой краской.

— Какой ещё «он» — никого нет...

— Иди, иди, — бабушка с улыбкой махнула рукой, больше не желая слушать её оправдания.

Её ладонь качнулась в воздухе, словно она отгоняла шмеля, кружащего над баночкой с вареньем.

Кролла стояла в коридоре, и её уши всё ещё пылали.

Она услышала за спиной тихий смех бабушки и шелест переворотных страниц альбома.

Больше оправдываться она не стала, развернулась и поднялась наверх.

Лестница была старой, каждая ступенька издавала едва слышный скрип, и с малых лет Кролла заучила наизусть, на какие именно половики нельзя наступать, чтобы не разбудить тех, кто спал на портретах.

Но сегодня она наступила на три запретные доски.

Прислонив чехол с гитарой к стене, она приняла душ, переделалась и легла в постель.

Простыни были прохладными. Она поджала ноги и натянула одеяло до самого подбородка.

Уставилась в потолок.

Там, от основания подвесной люстры до самого угла, тянулась тонкая трещинка, похожая на миниатюрную молнию.

Она заметила эту трещину ещё в раннем детстве и в бессонные ночи насочиняла про неё сотни историй.

Кролла перевернулась на бок и уткнулась лицом в подушку.

Полежала так немного, а потом перевернулась обратно.

\*\*\*

Когда Сириус вернулся в дом Поттеров, в гостиной всё ещё горел свет.

Джеймс развалился на диване, держа в руках детали магического скейтборда и что-то на них выцарапывая.

Он лежал на боку, закинув ногу на подлокотник, приняв такую неестественную позу, будто на него наложили заклятие деформации — впрочем, любое положение тела выглядело у Джеймса Поттера так, будто иначе и быть не могло; это было одно из его природных дарований.

Услышав звук открывающейся двери, он даже не поднял головы:

— О, явился?

— ...Угу.

Сириус переобулся, подошёл и опустился на другой конец дивана.

Джеймс выждал пару секунд, не дождался второго слова и бросил на него косой взгляд:

— Ты куда ходил?

— Никуда.

— Никуда — это куда?

Сириус откинулся на спинку дивана, прикрыв глаза рукой:

— ...Просто прогуляться.

— Просто прогуляться, — повторил Джеймс тонном, в котором отчётливо читалось: «Иди кому-нибудь другому лапшу на уши вешай».

Он отложил детали скейтборда, поджал под себя ноги, развернулся и пару секунд пристально смотрел на Сириуса, а потом вдруг усмехнулся:

— Ты ходил к ней.

Это не было вопросом. Это было утверждение.

Сириус убрал руку с глаз и глянул на него:

— ...Тебе какое дело?

— Какое дело? — Джеймс преувеличенно драматично схватился за грудь. — Сириус, каждый раз, когда ты уходишь на свидание с той рыжеволосой девчонкой, ты прикрываешься моим именем, и ты спрашиваешь, какое мне дело?

— Я не прикрывался тобой.

— Не прикрывался? — Джеймс принялся загибать пальцы. — «Джеймс говорил, этот клуб

неплох», «Джеймс непременно хотел туда пойти», «У Джеймса были дела, и он ушёл раньше» — Сириус, да из моих уст в твоих рассказах можно собирать целый штат штатных козлов отпущения.

Сириус слегка поперхнулся и отвёл взгляд.

Джеймс уставился на него и ехидно подался вперёд:

— Ну как? Виделись? О чём говорили?

— ...Ни о чём.

— Ни о чём? А чего ты тогда лыбишься?

Сириус машинально коснулся уголка губ:

— Я не улыбаюсь.

— Ещё как улыбаешься, — отрезал Джеймс. — С порога и до сих пор рот до ушей.

Сириус попытался опустить уголки губ. Надавил — не опускаются.

Заметив его гримасу, Джеймс вдруг запрокинул голову и заливисто рассмеялся так, что его чуть не опрокинуло назад с дивана.

— Бородой Мерлина, Сириус Блэк — ты пропал. Ты окончательно и бесповоротно пропал.

Сириус запустил в него диванной подушкой:

— Заткнись.

Джеймс поймал подушку, продолжая хихикать, но допытываться больше не стал.

Он со смешком покачал головой, взял деталь скейтборда и продолжил выцарапывать узоры, буркнув под нос:

— Ладно, не буду допытываться. Но в следующий раз прекращай прикрываться моим именем, а то вдруг та девчонка и правда решит, будто я какой-то праздный бездельник и мажор.

Сириус ничего не ответил, уставившись в потолок.

Там тонкой нитью тянулась знакомая трещинка.

Уголки его губ снова поползли вверх.

Но он сделал вид, будто ничего не заметил.

<http://bllate.org/book/22381/2348031>